

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАЙНЫЙ НЕФРИТОВЫЙ ПУТЬ

Шанхай, 1905–1907 годы Вайолет

В семь лет мне было точно известно, кто я такая: я — настоящая, стопроцентная американка по происхождению, манерам и речи, а моя мать Лулу Минтерн — единственная белая женщина, которая содержит в Шанхае цветочный дом¹ первого класса.

Мама назвала меня Вайолет в честь мелких цветов — фиалок: она их очень любила в детстве, когда жила в Сан-Франциско — городе, который я видела только на открытках. Со временем я возненавидела свое имя. Куртизанки произносили его как шанхайское слово «вие-ла» — так местные говорят, когда хотят от чего-то избавиться. «Вие-ла! Вие-ла!» — звучало везде, где бы я ни появлялась.

Мама взяла себе китайское имя Лулу Мими, похожее по звучанию на ее американское имя, и с тех пор заведение стало известно как «Дом Лулу Мими». Но западные клиенты знают его под английским названием, сложенным из значений иероглифов ее имени: «Тайный нефритовый путь». Не было другого цветочного дома, который обслуживал бы и китайских клиентов, и чужеземцев, многие из которых были богатейшими западными торговцами. Так мать довольно экстравагантным образом нарушала запреты обоих миров.

¹ Так в противоположность дешевым борделям в Китае назывались дома с куртизанками. (*Прим. пер.*)

В цветочном доме матери для меня заключался весь мир. У меня не было друзей-ровесников — ни среди местных, ни среди маленьких американцев. Когда мне исполнилось шесть лет, мать отправила меня в Академию для девочек мисс Джуэлл. В ней было всего четырнадцать учениц, но все они оказались очень жестокими. Матери некоторых из них не хотели, чтобы я училась в Академии, и их дочери, сговорившись с остальными девочками, подстроили так, чтобы меня исключили. Они говорили, что я живу в «обители греха и порока», и что никто не должен даже прикасаться ко мне, чтобы моя грязь не пристала к ним. Они пожаловались учительнице, что я постоянно ругаюсь бранными словами, хотя я всего один раз сказала что-то подобное. Но сильнее всего оскорбила меня девочка постарше, с глупыми кудряшками. На третий день учебы, перед уроками, я шла по коридору, когда она быстрым шагом подошла ко мне и громко — так, чтобы ее слышали учительница и младшие девочки, — сказала:

— Ты разговаривала по-китайски с китайским попрошайкой, а значит, ты и сама китаянка!

Я не смогла снести такое оскорбление и в отместку ухватила за ее кудряшки, повиснув на них. Она закричала, а другие девочки начали молотить кулаками по моей спине. Сильным ударом мне разбили губу и выбили зуб, который уже шатался. Я выплюнула его на пол, и где-то с секунду все зачарованно смотрели на мой блестящий клык. А потом я театральным жестом схватилась за шею, взвизгнула: «Меня убили!» — и осела на пол. Одна из девочек упала в обморок, а главная зачинщица со своими подручными в испуге бросилась прочь. Я подняла зуб, который еще недавно был моей живой частичкой, а учительница, чтобы остановить кровь, прижала к моему лицу связанный узлом носовой платок и без лишних церемоний отправила меня домой в рикше. Мать незамедлительно решила, что отныне я перехожу на домашнее обучение.

Мучимая сомнениями, я повторила ей то, что говорила старому попрошайке: «Лао хуази, дай мне пройти!» Тогда она объяснила, что лао хуази — это китайское слово, означающее «нищий». А я и не понимала, что разговариваю на смеси английского и китайского языков в сочетании с шанхайским диалектом! С другой стороны,

откуда мне знать, как будет «попрошайка» по-английски, если я никогда не встречала старичка-американца, прислонившегося к стене и бессвязным лепетом пытающегося вызвать у меня жалость? Пока я не пошла в школу, я разговаривала на своем особом наречии только в «Тайном нефритовом пути»: с куртизанками, их наставницами² и слугами. Слова и выражения, которыми они пользовались для флирта, сплетен, жалоб и скорби, вливались ко мне в уши и вылетали изо рта, но когда я разговаривала с матерью, она мне ни разу не сказала, что с моей речью что-то не так. Еще больше меня запутывало то, что мать говорила и по-китайски, а ее наставница Золотая Голубка — по-английски.

Но меня все еще беспокоили слова той девочки. Я спросила мать, разговаривала ли она по-китайски, когда была маленькой, и она сказала, что Золотая Голубка очень интенсивно ее обучала. Затем я задала вопрос насчет своего китайского: не хуже ли он, чем у куртизанок.

— Твой китайский во многих отношениях лучше, чем у них, — ответила она. — Он звучит красивее.

Меня это встревожило, и я поинтересовалась у своего нового учителя, действительно ли китайцы говорят на китайском лучше, чем любой из американцев? Учитель сказал, что форма рта, языка и губ у каждой расы лучше всего приспособлена для их собственного наречия, как и уши — для восприятия родного языка, ведь через них слова попадают в мозг. Я спросила, почему же тогда он думает, что я могу говорить по-китайски? Он ответил, что я хорошо училась и натренировала свой язык до такой степени, что сейчас он может двигаться иначе.

Мое беспокойство длилось еще два дня, пока логика и дедукция не помогли мне снова поверить в свое происхождение. Я размышляла так: прежде всего моя мать — американка. И хотя мой отец умер, очевидно, что он тоже был американцем, потому что у меня светлая кожа, каштановые волосы и зеленые глаза. Я носила одежду

² У каждой куртизанки была наставница, обычно из числа бывших опытных куртизанок, которая сопровождала ее на приемах, торговалась с клиентами, обучала бытовым и постельным премудростям, заботилась о ее комфорте. (Прим. пер.)

в западном стиле и обычную обувь. Мои стопы не ломали и не втискивали, словно тесто для пельменей, в крошечные туфельки. Кроме того, я получила знания во многих областях, включая историю и естественные науки, и, как говорил мой учитель: «Все это исключительно ради самих знаний». Большинство китайских девочек учились только хорошему поведению.

Более того, я даже думала не так, как китайцы: не кланялась статуям, не воскуривала благовония, не боялась призраков. Мать говорила: «Призраки — это суеверие, которое вырастает из собственных страхов этих людей. Китайцы много боятся, вот почему у них так много суеверий». Я же ничего не боялась и не собиралась делать что-либо определенным образом только потому, что так делалось на протяжении многих тысяч лет. Мать утверждала, что я обладаю американской смекалкой и независимым умом. Например, я придумала раздать слугам современные вилки, чтобы они ели ими, а не древними палочками. Правда, мать потом заставила слуг вернуть столовое серебро на место. Она сказала, что стоимость одной вилки больше, чем годовое жалованье слуги, поэтому у них может возникнуть соблазн их продать, и вообще понятие честности у китайцев не совпадало с нашим, американским. Я согласилась. Но если бы я была китаянкой, смогла бы я в таком случае сказать о себе то же самое?

После того как я покинула Академию мисс Джуэлл, я запретила куртизанкам называть меня Вие-ла, а также ласковыми китайскими прозвищами вроде «младшей сестренки». Они должны были называть меня Виви — так я им сказала. Только тем, кто мог правильно произнести мое настоящее имя, можно было называть меня Вайолет — а это были только моя мать, Золотая Голубка и мой учитель.

Поменяв имя, я внезапно поняла, что могу делать это когда угодно, с определенной целью или просто под настроение. И вскоре после этого по воле случая у меня появилось мое первое прозвище. Я бежала через гостиную и столкнулась со слугой, который нес поднос с чаем и закусками. Поднос со всем содержимым грохнулся на пол. Слуга в сердцах назвал меня «биаоци³ — маленький вихрь». Чудесное слово! Я была Вихрем, не-

³ Грубое выражение, в переводе с китайского означающее «шлюха». (Прим. пер.)

сущимся через знаменитый дом «Тайный нефритовый путь», с развевающимся ореолом пушистых темных волос, а за мной гналась кошка, пытающаяся поймать ленту, еще недавно вплетенную в мои волосы. С тех пор слуги должны были звать меня Вэлвинд⁴, что они произносили как «Ву-ву».

Я обожала свою золотую кошку. Она принадлежала мне, а я — ей, и больше я ни к кому не испытывала подобных чувств, даже к матери. Когда моя кошечка сидела у меня на руках, она массировала лапками корсаж платья, цепляя коготками кружева и превращая их в рыболовные сети. Глаза у нее были зеленые, как у меня, а шерсть в черно-коричневых пятнах отливала золотом. Она мягко сияла под лунным светом. Мать подарила мне кошку, когда я сказала ей, что хочу завести друзей. Она сказала, что кошка когда-то принадлежала пирату, который назвал ее Карлоттой в честь похищенной им дочери португальского короля. И хотя все могут завести себе друзей, пиратская кошка будет только у меня. И еще мать добавила, что точно знает: в отличие от друга, кошка никогда меня не предаст.

Почти все обитатели дома боялись моей пиратской кошки. Она царапалась, если ее пытались согнать с мебели. Когда ее запирали в шкафу, она завывала, как злобный дух, а если чувствовала страх в приближающихся к ней людях, то шерсть у нее сразу вставала дыбом, и все понимали, что их опасения не напрасны. Золотая Голубка застывала на месте каждый раз, когда видела, что к ней бежит Карлотта. Когда она была маленькой, ее очень сильно ранила дикая кошка, и она чуть не умерла от лихорадки. Если кто-то пинал Карлотту, она быстро и жестоко кусала обидчика, а если кто-то гладил ее без моего разрешения, в ход шли острые когти. Однажды она даже убила семнадцатилетнего паренька по имени Верный Фан, который пришел в «Тайный нефритовый путь» вместе с отцом. В тот день я искала Карлотту и заметила, что она прячется под диваном. Парень, стоя у меня на пути, начал что-то тараторить на языке, которого я не понимала. Не успела я предупредить, чтобы он не трогал Карлотту, как он наклонился и ухватил кошку за хвост, и она тут же пропорола когтями ему руку, выдрав из нее четыре окровавленные

⁴ Вихрь (*whirlwind* — англ.). (Прим. ред.)

полоски кожи и мяса. Он побелел, как мел, стиснул зубы и потерял сознание от смертельной раны. Отец забрал его домой, а Золотая Голубка сказала, что он точно умрет. Позже одна из куртизанок подтвердила, что он и вправду умер. Ей было жаль, что он никогда не испытает прелестей будуара. И пусть даже юноша сам был виноват в своей смерти, я очень боялась, что Карлотту заберут у меня и утопят.

Со мной Карлотта была совсем другой. Когда я несла ее на руках, она становилась мягкой и расслабленной. Ночью она мурлыкала в моих объятиях, а утром будила меня радостным мяуканьем. Я откладывала для нее кусочки сосисок в карман фартука, привязывала к нитке зеленое перо попугая и выманивала ее этой игрушкой из-под многочисленных диванов, стоявших в гостиной. Я дразнила ее пером, а она ловила его лапами из-под диванной бахромы. Вместе мы носились по лабиринту из мебели, она прыгала на столы и стулья, взбиралась по шторам на высокие козырьки стенных панелей — я могла заманить ее куда угодно. Гостиная была нашей площадкой для игр, и не важно, что она находилась в бывшем загородном доме, населенном призраками, который моя мама превратила в «Тайный нефритовый путь».

Несколько раз я слышала, как она рассказывала западным журналистам, что ей удалось купить его почти даром.

— Если вы хотите заработать в Шанхае, — говорила она, — используйте чужие страхи.

Лулу

Эта вилла, джентльмены, была построена четыреста лет назад в качестве летнего особняка для Пань Ку Сяна, богатого ученого и выдающегося поэта. Но сейчас никто уже не сможет оценить степень его поэтического таланта, потому что все письменные памятники его мысли обратились в прах. Первоначальные четыре здания виллы занимали площадь в половину гектара, что вдвое больше, чем сейчас. С тех времен сохранилась толстая каменная стена. Но западное крыло здания и восточное были восстановлены после

таинственного пожара — того самого, который уничтожил все произведения поэта. Легенда, которая передавалась из поколения в поколение в течение четырехсот лет, гласит: одна из наложниц поэта устроила в западном крыле пожар, в результате которого в восточном крыле погибла его жена. Она страшно кричала, объятая пламенем. Правда это или нет — кто теперь скажет? Но в любой легенде должны быть убийства, иначе не стоит ее и придумывать. Вы согласны, джентльмены?

После смерти поэта его старший сын нанял лучших каменотесов, чтобы они высекли из камняobelisk. Каменная стела покоилась на черепахе, а сверху была увенчана драконом — эти почетные символы обычно ставили на могилах высокопоставленных чиновников, хотя не сохранилось сведений о том, что он когда-то служил при дворе. К тому времени как его правнук стал главой семьи, стела уже рухнула, почти погребенная под зарослями высоких колючих сорняков. Ветер и дожди превратили имя и почетные звания ученого в россыпь нечитаемых засечек на камне. Сам ученый вряд ли рассчитывал на такой исход, и когда около ста лет назад его потомки по бросовой цене продали этот особняк, начало действовать проклятие. Через день после получения денег за дом потомок ученого скончался в страшных муках — его охватила такая боль, будто он горел в огне. Другого сына убил грабитель. Их дети погибли по самым разным причинам, никто из них не дожил до старости. Следующие покупатели особняка страдали от необычных недугов, их покидала удача, они не могли зачать детей, сходили с ума. Когда я увидела особняк, он представлял собой жалкое зрелище: заброшенный, заросший кустарником, оплетенный лианами — превосходное укрытие для бродячих собак. Я купила дом по цене китайской песни. И китайцы, и иностранцы говорили мне, что покупка была глупостью и неважно, как дешево он мне обошелся. Ни один плотник, каменщик или рабочий-кули⁵ никогда не переступит порог проклятого места.

Итак, джентльмены, что бы вы сделали на моем месте? Сдались и подсчитали бы убытки? Я же наняла итальянского

⁵ Наемные работники, батраки. (Прим. ред.)

актера — опального иезуита с темными азиатскими глазами. Они стали еще более выразительными, когда он стянул волосы на висках, как певцы китайской оперы, чтобы уголки глаз драматично приподнялись. Он облачился в мантию мастера фэн-шуй, и мы наняли мальчишек, которые раздали местным жителям листовки, сообщавшие, что рядом с проклятой виллой будет проходить большая ярмарка. Мы поставили палатки с едой, пригласили музыкантов и акробатов, удивлявших гостей своей гибкостью, угощали всех редкими фруктами и поставили конфетную машину, которая делала соленые ириски. К тому времени как на ярмарку в своем паланкине прибыл мастер фэн-шуй с китайским помощником, его уже ждали сотни людей — дети с нянями, слуги и рикши, куртизанки и их мадам, портные и другие заядлые сплетники.

Мастер фэн-шуй потребовал, чтобы ему принесли чашу с огнем. Он вытащил свиток и кинул его в огонь, а потом стал нараспев читать какую-то тарабарщину на тибетском и сбрызгивать огонь рисовым вином, отчего пламя взмывало все выше.

— Я должен пойти в проклятый особняк, — провозгласил актер, — и заставить поэта-призрака по имени Пань уйти! Если я не вернусь, запомните меня как хорошего человека, который служил своему народу и погиб за него!

Смертельная опасность часто заставляет людей поверить в ложь. Гости молча смотрели, как он заходит туда, куда не отважился ступить еще ни один человек. Через пять минут он вернулся, и аудитория начала восторженно перешептываться. Актер объявил, что нашел поэта-призрака в чернильнице в его художественной мастерской. У них состоялся чрезвычайно увлекательный разговор о его поэзии и былой славе, а потом поэт пожаловался, что потомки совсем позабыли о нем. Его славное надгробие превратилось в обросшую мхом плиту, на которую мочатся одичалые псы. Мастер фэн-шуй пообещал поэту, что ему воздвигнут замечательный памятник, гораздо лучше прежнего. Поэт поблагодарил его и сразу же оставил когда-то проклятый им особняк, чтобы воссоединиться со своей погибшей женой.

Так мы избавились от одного из препятствий. Затем мне потребовалось преодолеть убеждение, что социальный клуб никогда не

сможет достигнуть успеха, если будет принимать и китайцев, и гостей с Запада. Кто вообще пойдет в такое место? Как вы знаете, большинство западных людей считают китайцев ниже себя не только в моральном и интеллектуальном плане, но и по общественному положению. Казалось, что они никогда не смогут вместе угощаться сигарами и бренди.

Китайцев же, в свою очередь, возмущало, насколько свободно, будто это их собственный порт, иностранцы хозяйничают в их родном Шанхае и наводят в нем порядок по своим законам. Иностранцы не доверяли китайцам и оскорбительно разговаривали на пиджине⁶ даже с теми из них, чей английский был не хуже, чем у британских лордов. С какой стати китайцам вести дела с людьми, которые их не уважают?

Ответ прост — ради денег. Торговля с Западом — их общий интерес, общий язык, и я помогаю общаться на нем в атмосфере, снимающей ограничения, которые всё еще могут им мешать.

Нашим западным гостям я предлагаю социальный клуб с привычными удовольствиями: бильярдом, карточными играми, лучшими сигарами и бренди. В этом углу, как видите, у нас стоит пианино. И в завершение каждого вечера толпа тоскующих на чужбине людей собирается вокруг него и поет гимны и лирические песни своих стран. У нас есть несколько гостей, воображающих себя кузенами Карузо. Что касается наших китайских клиентов, я предоставляю им все удовольствия, которые может обеспечить первоклассный цветочный дом. Клиенты ухаживают за девушками по всем правилам — это не бордель с проститутками, к каким привыкли западные люди. Мы также предлагаем китайским гостям западные развлечения, которые можно встретить в лучших цветочных домах: бильярд, карточные игры, самый лучший виски, сигары в дополнение к опере и прелестных певиц, которые поют популярные китайские песни и приглашают мужчин присоединиться к ним. Даже обстановка у нас не в пример лучше, чем в других цветочных домах. Разница в мелочах, но я из Америки, и знание о том, как все должно выглядеть, у меня в крови.

⁶ Упрощенный язык, используемый для общения с иностранцами. (Прим. ред.)

А сейчас мы пришли туда, где Восток встречается с Западом — в гранд-салон. Здесь могут наслаждаться общением бизнесмены обоих миров. Представьте, какой веселый шум стоит в нашем салоне каждую ночь. Немало людей сколотили здесь целые состояния, а все начиналось с того, что я знакомила их и они в первый раз пожимали друг другу руки. Джентльмены, вот урок для тех, кто хочет сделать состояние в Шанхае! Когда люди говорят о чем-то «это невозможно», оно и вправду становится невозможным. Но в Шанхае нет ничего невозможного. Вам нужно заставить старое встретиться с новым, так сказать, поменять обстановку и устроить хорошее шоу. Использовать смекалку и получить желаемое. Здесь приветствуются приспособленцы. За этими дверями открывается дорога к богатству — для тех, у кого есть по крайней мере десять тысяч долларов для инвестиций или кто обладает влиянием, которое больше этой суммы. У нас свои стандарты.

Приблизившись к воротам особняка, вы с первого взгляда поймете, что собираетесь войти в благородный дом с почтенной историей. Над воротами все еще сохранилась каменная табличка, приличествующая ученому эпохи Мин; на углах таблички видны остатки лишайника, что доказывает ее аутентичность. Толстые деревянные ворота регулярно подновляют красным лаком, а медные детали полируют до блеска. На обеих колоннах прикреплены таблички с названиями дома: на правой — «Тайный нефритовый путь» по-английски, на левой — «Дом Лулу Мими» по-китайски.

Пройдя за ворота и оказавшись во дворе, вы можете почувствовать, что вернулись в эпоху, когда дом еще принадлежал поэту-призраку. Все детали скромного сада, от рыбных прудов до корявых сосен, соответствуют классическим стандартам. За садом находится довольно строгий дом с неброской серой штукатуркой поверх камня, а узор на окнах со свинцовым переплетом напоминает потрескавшийся лед. Навес серой черепичной крыши изгибается вверх — не слишком сильно, но достаточно, чтобы узнать в нем крылья летучей мыши, приносящей удачу. А перед самым домом стоитobelisk, посвященный поэту, — его установили на прежнем